

ЭНН КЕССИДИ

Девошки-
мотыльки

like
boon

*Dum
spiro,
spero*

*Fortes
fortuna
adjuvat*

Annotation

За день до назначенной даты сноса дома на Принсесс-стрит Мэнди Кристал стояла у забора из проволочной сетки и внимательно разглядывала строение. Она не впервые смотрела в окна этого мрачного дома. Пять лет назад ей пришлось прийти сюда: тогда пропали ее подруги – двенадцатилетние Петра и Тина.

Их называли девочками-мотыльками. Они, словно замороженные, были притянуты к этому заброшенному особняку, в котором, по слухам, произошло нечто совершенно ужасное. А потом и они исчезли!

И память о том дне, когда Мэнди лишилась подруг, беспокоит ее до сих пор. Что же тогда произошло и куда делись девочки-мотыльки?

Энн Кессиди

Девочки-мотыльки

Посвящается моей сестре Сэм Мори

До своей смерти девочки-мотыльки были лучшими подругами.

За день до назначенной даты сноса дома на Принсесс-стрит Мэнди Кристал стояла у забора из проволочной сетки и внимательно разглядывала строение, подергивая кулон на своей шее. Окна и входную дверь сняли, и можно было разглядеть затененный интерьер. Мэнди не впервые смотрела в окна этого дома. Даже когда в нем кто-то жил, внутри было темно и мрачно.

А после убийства это место в основном пустовало.

Само здание – кирпичи, цемент – выглядело крепким, способным простоять еще сотню лет. Но завтра его сровняют с землей. Дом заменят многоквартиркой, и жизнь продолжится, словно ничего плохого здесь и не произошло.

Мэнди сбросила на землю сумку, от которой ныло плечо. Вокруг ног закружились листья. Она наступила на них и почувствовала, как те захрустели от сухости. Темнело, и небо потихоньку окрашивалось в синий. Осеннее солнце уже скрылось, оставив после себя розовые полосы.

Вздыхнув, Мэнди собралась было уйти, как вдруг что-то привлекло ее внимание. Она повернулась и заметила два красных диска, парящих в воздухе возле крыши. Присмотрелась повнимательнее – яркие красные круги виляли то в одну сторону, то в другую.

Это была пара красных гелиевых шаров, связанных лентой. Мэнди осмотрелась, но вокруг никого не было. Интересно, ускользнули ли эти шары из руки ребенка или отвязались от входной двери чужого дома? А затем взмыли вверх и зацепились за водосточную трубу. Мэнди вглядывалась в них, пока силуэты не размылись и не стали напоминать развевающиеся на ветру маки.

Внезапно в кармане пиликнул телефон, напугав ее. Она достала его, полагая, что пришла эсэмэска от ее друга Томми Элиота. *Надеясь*, что это от него. Но на экране было написано «Мама». Она расстроилась. Томми сказал, что встретит ее после школы, но так и не пришел. Она больше получаса ждала его в общей комнате. Девушка открыла сообщение.

«Не забудь о приеме у доктора. xxx»

Мэнди не забыла. Она спешно засунула телефон в карман и снова посмотрела на дом. Ей показалось, что красные шары дернулись.

Почти всю неделю здесь суетились рабочие. Мэнди почему-то каждый раз останавливалась на этом месте по пути в школу и обратно. Она стояла и наблюдала, как рабочие выносили камин, плитку и витражные стекла, чтобы потом перепродать. Как в кузов грузовика складывали перила и двери. Как шаг за шагом снимали черепицу, выставляя напоказ деревянные балки. Дом обнажался, пока не превратился в голый каркас.

Он выглядел мертвым.

Пять лет назад после убийства его огородили желтой лентой и всю улицу оцепили полицейскими машинами. За этим Мэнди тоже наблюдала, стоя на противоположной стороне улицы с местной ребятней. Мама разозлилась на нее и отослала домой. Сказала, что случившееся отвратительно, особенно когда полиция начала перекапывать задний двор. Но

Мэнди не могла уйти.

И теперь она снова была здесь. Томми предложил ей сменить школьный маршрут. Неплохой вариант. Можно было бы ходить мимо новой застройки и очереди магазинов, что вели к станции метро. На это ушло бы чуть больше времени, но она бы вычеркнула этот дом из своей повседневной жизни. Зазвучал рингтон, из кармана доносилась тихая трель.

Она достала телефон и увидела на экране имя Томми. Улыбнулась, но не ответила. Лучше сделать вид, будто занята. Пусть он думает, что ей есть чем заняться, куда пойти и с кем встретиться.

Мэнди не хотела, чтобы он знал, где она сейчас.

Она взглянула напоследок на красные шарик, растягивающиеся на ветру, и подумала о Петре и Тине. После чего направилась к доктору.

Глава 2

Доктор Шукла получила результаты анализов Мэнди. Тихонько мыча себе под нос, она смотрела на экран компьютера и что-то печатала. Ее очки в форме полумесяца сползли на кончик носа.

– Кровь в норме.

Мэнди сидела на краешке стула. Кабинет был совсем маленьким, почти все место занимали рабочий стол и кушетка для осмотра. Тишину нарушали лишь постукивания по клавиатуре.

– Так, что еще? Моча в норме, – сказала доктор Шукла деловым тоном.

На стенах кабинета висели известные картины. Мэнди обратила внимание на ту, что не видела прежде – с изображением женщины, сидящей в кафе поздним вечером, и подписью внизу: «Эдвард Хоппер, "Автомат"». Мэнди не сомневалась, что картина новая. Выполнена в темных тонах, зеленых да коричневых. В центре женщина в пальто и шляпке. Она сидит в одиночестве за столиком и попивает чай из чашки с блюдцем. Кафе выглядит умиротворенным. Свет горит, но на полу пролегают тени. Снаружи ночь, глухая и черная; в отражении на стекле видны лишь лампы кафе.

– Флюорография в норме.

Эта женщина с картины словно была совершенно одна в целом мире. Лицо напряжено, взгляд уперт в чашку, но мысли явно где-то далеко. Интересно, что привело ее в это кафе? Одежда на ней теплая – значит, за окном зима. Пальто и шляпа старомодные, как и декор кафе. Почему эта женщина там сидит? Да еще в столь поздний час? Мэнди попыталась отыскать на картине чемодан, но не нашла.

И в этот момент она поняла, что доктор Шукла смотрит на нее.

– У тебя хорошее здоровье, Мэнди, хоть и выглядишь ты немного худой.

– У меня нет анорексии, если вы об этом.

Мэнди не намеревалась так грубить. Но она ела что хотела. Несколько лет назад она была слегка полноватой, и мама хмурилась каждый раз, как она тянулась за вторым кусочком пирога или за печеньем. Когда пропали Петра и Тина, ее мама решила, что Мэнди заедает горе. В те дни в доме появилось много книг о подсчете калорий и здоровой пище. Но примерно год назад Мэнди вдруг вытянулась, и лишний вес ушел сам собой. Теперь ее мама хмурилась, когда дочь оставляла недоеденной пасту или не хотела завтракать, и как бы напоказ принялась печь пироги и пудинги.

– Даже в мыслях не было, – улыбнулась доктор Шукла. – Просто зачастую аппетит является показателем общего состояния здоровья. Можешь еще раз описать симптомы?

Длинные волосы доктора Шуклы были завязаны и перекинуты на одно плечо – висели, как конский хвост. Мэнди заметила на проборе несколько седых волосков.

– Ноги постоянно ноют, иногда возникает слабость и кажется, будто они меня не выдержат. Еще головные боли.

Доктор Шукла не стала записывать. Она поставила локти на стол и положила подбородок на сложенные руки. Ее глаза за стеклами очков были большими и темными, брови выведены карандашом в тонкую линию.

– Иногда мне кажется, что может начаться приступ астмы. Не хватает дыхания. Когда я ложусь спать, дыхание становится поверхностным. Такое ощущение, будто в легкие не поступает кислород.

Доктор Шукла глубоко вдохнула.

– Мэнди, дорогая, я не говорю, что с тобой все в порядке. Ясно, что это не так. Но эти симптомы также могут быть связаны с депрессией и тревожностью.

– Не в моем случае, – возразила Мэнди, улавливая в своем голосе нотки досады. – У меня нет депрессии. Знаю, в прошлом у меня были проблемы...

Мэнди замолчала. Доктор Шукла взялась наводить порядок на столе. Сначала сложила в стопку отрывные блокнотики и стикеры. Затем положила параллельно две ручки. Она все обдумывала, время от времени поглядывая на монитор и тщательно взвешивая слова.

Мэнди знала это наверняка, уж слишком часто сидела на этом месте.

– Исчезли две двенадцатилетние девочки, твои подруги, – осторожно произнесла женщина. – Есть вероятность, что они обе убиты. Это трагедия. Самое страшное, что такое может случиться с любой семьей, с любым обществом, с любым человеком. Ты не пошла с ними, избежала такой же участи, вот это и сказалось на тебе. В моих записях есть тому подтверждение. Ты постоянно приходила ко мне с различными болезнями, и все они были вызваны переживаниями о случившемся с твоими подругами. И мне кажется, то же самое происходит и сейчас. С тех пор прошло почти пять лет, верно?

– Пять будет в конце октября.

– В годовщины сложнее всего. Осенние ночи, запахи фейерверков, Хеллоуин. Все это будет напоминать тебе о них. И может, даже в газетах что-то напишут. Пять лет – это своего рода рубеж.

Мэнди вспомнила тот дом. Представила, как он ждет в темноте, когда его снесут. Окна пусты, как глазницы. Из комнаты в комнату переползают темные тени. Завтра это будет всего лишь клочок земли, ожидающий новой застройки. Мэнди вдруг захлестнули эмоции, и она устала на колени, запрещая себе плакать.

– Есть предложение, – деловито произнесла доктор Шукла. – К нам прибыл сотрудник – аспирантка, которая изучает, как тревожность и депрессия влияют на молодежь. Она надеется поработать с нашими пациентами, и мне кажется, ты для нее – идеальный вариант.

– Предлагаете помощь психотерапевта? Но я ходила на консультации в школе...

– Это другое. Теперь ты стала старше. Проблемы подростков твоего возраста больше похожи на депрессию и тревожность взрослых. По крайней мере, так считает эта молодая ученая. Думаю, тебе стоит встретиться с ней и посмотреть, сможет ли она помочь. А я между тем буду следить за твоим физическим здоровьем, и если показатели ухудшатся, немедленно отправлю тебя к специалисту.

Мэнди открыла рот, чтобы отказаться, но как-то замешкалась. Эта ученая была новенькой, нездешней.

– Как тебе?

– Хорошо.

– Тогда я расскажу ей о тебе, и она свяжется с тобой, чтобы назначить встречу.

Доктор Шукла начала увлеченно печатать, и Мэнди поняла, что прием окончен. Она пробормотала что-то незначительное, встала и направилась к выходу, по пути слыша, как доктор Шукла через интерком приглашает следующего пациента.

Мэнди поздно легла спать, гораздо позже мамы с папой. Дверь в их спальню закрылась сразу после десяти, тогда как Мэнди приготовила себе чай и отправилась с ним в комнату, чтобы посидеть в Фейсбуке. Там было много интересного. Томми участвовал в каких-то обсуждениях, и парочка знакомых ей девушек кокетливо ему отвечали. Ее лицо скривилось, и на секунду она задумалась, не присоединиться ли к ним. Но в итоге просто закрыла ноутбук. Затем подошла к кровати и села. У подушки стояла коробочка с бусинами, которую она оставила там утром. Она достала тоненькую резинку и выбирала из отделений целый ряд разноцветных бусинок.

Маме понравилось предложение доктора Шуклы о консультациях. Она вообще всегда радовалась, когда за Мэнди присматривал или лечил какой-то доктор.

Мэнди нанизала бусинки на резинку. Этот браслет будет нехитрым. Просто красочным пятном на ее запястье. Связал концы – и готово; и не нужно возиться с застежками, тем более в столь поздний час.

В голове всплыл образ доктора Шуклы, и девушка вспомнила все свои многолетние приемы. Сначала мама ходила с ней. Она садилась на стул пациента – Мэнди вставала рядышком – и заполняла собой каждый сантиметр кабинета. Мама подробно объясняла, о чем думала и что чувствовала дочь, а когда замолкала, доктор Шукла всегда поворачивалась к Мэнди, ожидая, что та заговорит. В те дни было сложно что-то добавить – мать, казалось, рассказывала все.

Но пару лет назад, когда мама рассказала о сыпи на внутренней стороне рук и задней части ног Мэнди, доктор Шукла перебила ее и заявила: «Не возражаете, если я переговорю с Мэнди наедине?»

Маму это оскорбило, и она начала возражать, но доктор Шукла вдруг поднялась, чего почти никогда не делала, и, обогнув стол, строго произнесла: «Миссис Кристал, у вас замечательные отношения с Мэнди, но, чтобы добраться до сути проблем, мне тоже нужно наладить с ней контакт». Она открыла дверь, и маме не оставалось ничего другого, кроме как встать и покинуть кабинет. Доктор Шукла вышла вслед за ней и прикрыла дверь. Послышалось перешептывание, а затем доктор вернулась и принялась задавать Мэнди сотни вопросов.

Тогда девочка рассказала ей, что видела Петру Армстронг в автобусе.

Ей было страшно об этом говорить, ведь это самый настоящий признак того, что она сходит с ума. Но это произошло на самом деле. Не один, а три раза. В первый – она сидела в автобусе на Стратфорд и смотрела в окно. И лишь краем глаза заметила девочку своего возраста, которая шла по проходу. А потом, когда та села, Мэнди взглянула на ее профиль и в этом подбородке и длинных волосах уловила что-то знакомое. Чем дольше она смотрела, тем больше эта девочка напоминала ей Петру Армстронг, повзрослевшую на год после пропажи. Мэнди ошеломленно пялилась на нее и пропустила свою остановку, твердо намереваясь

проследить, куда та едет. Оказалось, в торговый центр. В тот первый раз Петре было бы тринадцать лет. Через год после этого она снова увидела ее в автобусе. Четырнадцатилетняя девочка была одета в узкие джинсы и ярко-красный топ вроде того, что надевали Петра и Тина на выступления своей группы «Красные розы». Ее лицо заострилось, тело изменилось. Тогда как у Петры была фигура ребенка, эта девочка могла похвастаться небольшой грудью и манерами, говорящими о более зрелом возрасте. В тот раз Мэнди вышла на своей остановке, оставив девочку в автобусе.

Год спустя она снова ее увидела – та спускалась по лестнице двухэтажного автобуса, ехавшего по Оксфорд-стрит. Худая девочка с длинными волосами держалась за перила и покачивалась из стороны в сторону в такт движения автобуса, широко улыбаясь кому-то на верхнем ярусе – Мэнди видела только ноги незнакомца. На вид ей было лет пятнадцать, ярко накрашенные губы надуты в обиду. Она вышла на следующей остановке и перебежала дорогу перед автобусом, направляясь к универмагу «Дебенхэмс».

Мэнди никому об этом не рассказывала.

Через какое-то время она начала выискивать Петру в каждом автобусе. Она вглядывалась в лица девочек-подростков самых разных комплекций, чтобы поймать ту крохотную вспышку хорошо знакомого, но больше никогда ее не видела.

Вот что она рассказала доктору Шукле.

Это было своего рода признание.

«Я схожу с ума? Мне это мерещится?» – спросила Мэнди.

Сердцем она понимала, что каждый раз это была другая девочка, а не та, что выросла из года в год. Но на какую-то минуту в автобусе она была убеждена, что видела Петру. В ответ доктор Шукла покачала головой и, нахмурившись, сказала: «Сознание – это мощный инструмент. Оно может превратить тоску в то, что кажется настоящим. Когда находишься в депрессии, заикливаешься на чем-то, сознание может показать то, что ты хочешь увидеть».

Но самое странное, что она видела только Петру. И никогда Тину.

Мэнди взяла готовый браслет. Примерила, по размеру ли, и завязала концы. Затем подняла руку, и браслет поймал свет от прикроватной лампы. Некоторые бусины были красными и сияли, как рубины. Она сразу вспомнила два шарика, которые зацепились за водосточную трубу того дома.

После разговора с доктором Шуклой все видения прекратились, словно их беседа разрушила чары, под которыми она находилась. Шестнадцати- или семнадцатилетняя Петра больше не держалась за поручни автобуса, не забивалась у окна, уткнувшись в мобильник. Не нажимала на кнопку требования остановки, не спрыгивала с автобуса и не убегала.

Петра пропала, и Мэнди больше не хотела ее видеть.

Глава 3

Понаблюдать за сносом дома на Принсес-стрит собралась целая толпа. Мэнди тоже пришла, но избегала всякого зрительного контакта. Отдельно стоящий дом отличался от остальных. Построен в другом стиле и старше близлежащих дуплексов. Дом был большим, и на какое-то время после убийства его превратили в много-квартирку. На стене возле двери еще остался ряд из звонков. Но последние пару лет дом пустовал, медленно разваливаясь на части – стены потускнели, сад зарос, растения и сорняки все ближе подбирались к нему.

Сейчас здесь было полно рабочих и техники.

Желтый экскаватор с гусеничным двигателем, как у танка, громко шумел. Зато двигался плавно, разворачиваясь полукругом в небольшом саду. И вот ковш замахнулся на здание, металлические челюсти взмыли в воздух. Мэнди неотрывно смотрела, как он с треском врезался в верхнюю часть кирпичной стены. На секунду повисла тишина. Мэнди затаила дыхание, когда стена обрушилась, таща за собой часть эркерного окна. И все это рухнуло на землю, подняв облако пыли.

Мэнди понизила капюшон, надеясь, что никто ее не заметит, но она никого и не интересовала, все смотрели на дом.

Мэнди поиграла с браслетом на руке. Медленно покрутила его, ощущая различность в формах и текстуре нанизанных прошлым вечером на резинку бусин.

– Здравствуй, Мэнди, – раздался у нее за спиной голос.

Она напряглась, ей не хотелось ни с кем разговаривать. Местные знали, кто она и как связана с этим домом. А у нее не было никакого желания выслушивать слова сочувствия. Она слегка повернулась и увидела мужчину в костюме. У него были седые, почти белые, волосы. В руке ключи от машины, на пиджаке капли от срывающегося дождя. Похоже, он не подготовился к такой погоде.

– Офицер Фаррадей, – сказала она.

Мэнди не видела его несколько лет, но все равно сразу узнала. Она слышала, как коллеги называли его Колином, но сама всегда обращалась к нему официально.

– Я не при исполнении, – проговорил он. – Зови меня Колином.

– Так вы здесь не по службе?

Зачем она это спросила? *По службе?* Томми закатил бы глаза.

Офицер Фаррадей покачал головой, то и дело поглядывая на дом.

– Как у тебя дела? Ты уже, наверное... в каком? В старшем классе?

– Да. Круглая отличница.

– Но сегодня не в школе.

– Нет, пойду позже. Почему вы пришли?

Глупый вопрос. Он здесь по той же причине, что и она.

– Пару дней назад я проезжал мимо и заметил, что дом огорожен. Навел справки и узнал: сегодня его снесут. Я провел слишком много времени в этом доме. Мне хотелось увидеть, как его сровняют с землей.

Мэнди понимала его чувства. У них обоих была связь с этим старым зданием. Но с некоторым отличием. Офицер Фаррадей провел в доме много времени, тогда как она никогда не ступала внутрь. Ни разу.

– Полагаю, ты тоже равнодушна к этому месту, – заметил офицер Фаррадей.

Она кивнула.

– Ты до сих пор думаешь о них? – спросил он.

– Иногда.

Но Мэнди думала о них постоянно.

– Дело все еще открыто. Нет ничего хуже глухаря. Особенно когда это связано с возможной смертью двух маленьких девочек.

– Но они ничего не найдут, да? Уже прошло столько времени. – Мэнди посмотрела на офицера.

– Поступают сообщения о том, что рядом видели двух девочек. Даже сейчас.

– Но ничего не подтвердилось? – спросила она, вспоминая о своих же видениях.

– Нет. Но никогда не говори «никогда». Их тела не найдены. Девочки могут быть живы. В Америке бывали случаи, когда невинных людей похищали и держали в плену, а потом им удавалось сбежать.

Так и есть. Мэнди недавно прочитала об одном таком случае. Она целыми днями следила за новостями. Мужчина держал трех девочек в плену своего дома в Кливленде, штат Огайо. Он держал их десять лет. Заточил в подвале, и одна из них родила ребенка. Однажды, когда он отлучился из дома, одна из девочек выбралась и прибежала к дому соседей, плача и умоляя о помощи. Она позвонила в полицию, и этот разговор прогнали в новостях. Мэнди с изумлением слушала, как девушка отчаянно пыталась предупредить полицию, пока не вернулся похититель. Ее голос был слабым и напряженным, словно мог сорваться в любой момент. «Меня похитили и удерживали десять лет. И я... Я здесь. Теперь я свободна». Мэнди залезла в Интернет и раз за разом слушала эту запись. Она пыталась представить, как девушка вцепилась в телефон соседей, взгляд мечется по комнате – она боится, что в любой момент эту свободу могут отобрать.

Это навело ее на мысли о Петре и Тине. Да и кого бы не навело?

Офицер Фаррадей скрестил руки на груди. Без формы он был похож на человека, который работает в строительной компании. Интересно, почему он в выходной надел костюм?

– Без тела нельзя быть уверенным, что человек мертв, – задумчиво произнес он. Наверное, тоже вспомнил кливлендское дело.

Дождь стал стихать, экскаватор продолжал работать. Он отъехал в сторону, таща за собой водосточную трубу. И Мэнди вспомнила два красных шарика, которые запутались там вчера. Сейчас их нигде не наблюдалось. Внезапно отошел угол стены и бухнулся на землю. Экскаватор толкнулся еще раз, металл заскрежетал по стене, кровельные балки накренились и через несколько секунд рухнули, выбрасывая в воздух фонтан из мелких камней и пыли.

– Я думал, увижу здесь Элисон Пойнтер, – снова заговорил офицер Фаррадей. – Но, очевидно, она слишком занята своей группой и выступлениями. Видел ее по телевизору пару недель назад. А ты?

– Нет, – ответила Мэнди.

Она знала, что Элисон Пойнтер, мама Тины, выступала по телевизору, в программе, освещающей исчезновение девочек. Выпуск назывался «Пять лет спустя». Мэнди решила его не смотреть.

– Ты только глянь. Вот кого точно не ожидал здесь увидеть, – искренне удивился офицер Фаррадей.

Мэнди проследила за его взглядом. Чуть дальше по улице, в сторонке ото всех, стоял Джейсон Армстронг, папа Петры. Мэнди окинула его взглядом. Вид у него был больной, лицо осунулось. Волосы длинные и всклокоченные. На плечах огромное пальто. Облокотившись одной рукой на крышу машины, он смотрел только на старый дом, никуда больше.

– Где он сейчас живет?

– Без понятия. Но знаю, что он несколько раз сидел. Год за грабеж с отягчающими обстоятельствами и пару небольших сроков за другие правонарушения. Он пьяница. И всегда им был. Не понимаю, почему социальная служба вообще позволила Петре жить с ним.

Джейсон Армстронг посмотрел в их сторону и, казалось, удивился. Интересно, узнал ли он ее. За пять лет она изменилась, но, может, не так уж и сильно. Она на мгновение поймала

его взгляд, а потом отвернулась.

– Мне пора, – сказал офицер Фаррадей. – Рад был узнать, что у тебя все хорошо.

Мэнди проводила его взглядом. Когда он шел к машине, которую оставил дальше по улице, в его походке присутствовала легкость. Наверное, побывав здесь, он почувствовал себя лучше, как будто отдал дань уважения. Но кому?

Она снова повернулась к зданию. Бóльшую часть крыши уже снесли. Бульдозер сгребал обломки, расчищая место, чтобы экскаватор мог продвинуться дальше. Внизу наполовину повисла оконная рама со все еще натянутой занавеской.

Мэнди решила уйти. В школу она собиралась ко второму уроку. Времени в запасе было полно, но она уже достаточно настоялась на улице, вороша прошлое. Она вспомнила любимый совет доктора Шуклы: «Пора двигаться дальше. С прошлым покончено».

Мэнди увидела, что папа Петры тоже уходит. Она с легкостью могла догнать его, выразить сочувствие. Разговор с офицером Фаррадеем несколько ее не встревожил. Но папа Петры – совсем другое дело. Он всегда был холоден. В те единичные разы, когда она видела его в такси или разговаривающим с Петрой, он просто ее игнорировал. В отличие от Элисон Пойнтер, которая поднимала огромную шумиху вокруг друзей Тины.

В этот момент Джейсон Армстронг вдруг обернулся и заметил ее. Остановился и прислонился к стене. Он явно замешкался. Мэнди не могла повернуть назад, ведь тогда станет очевидно, что она его избегает. Поэтому она перевела дыхание и продолжила идти.

– Здравствуйте, мистер Армстронг. Как вы? – спросила она.

– Не очень, – ответил тот.

– Жаль это слышать.

– Ты ведь Мэнди? Уже совсем выросла. Стала молодой женщиной.

Она натянуто улыбнулась, не зная, что ответить.

– Полагаю, тебе становится легче, когда смотришь на этот дом.

Он достал из кармана пальто платок – хлопковый и мятый, словно его использовали множество раз. Высморкался. Мэнди почувствовала себя в ловушке. Она не могла уйти, потому что они вроде как разговаривали, и это было бы грубо. Она потянулась к браслету и затеребила бусины.

– Ты же туда не пошла, верно? Это было разумно.

– Мне пора. Нужно в школу.

От мужчины исходил слабый запах алкоголя, а его взгляд казался пустым. В том, как он произнес слово «разумно», ощущался упрек. Словно она должна была пойти за подругами.

Если бы он знал, как часто она жалела, что не пошла.

И на этом она удалилась, оставив позади шум сноса дома.

Глава 4

Мэнди зашла в школу через вход для посетителей. Миновала небольшую парковку, на которой оставляли машины директор и преподаватели. Подошла к дверям администрации и уже собралась было набрать номер на кейпаде, как вдруг остановилась и посмотрела на разбитый поодаль небольшой сад. Когда-то на его месте находилась парковка, но теперь полукруг из травы обнесли кирпичной стеной. Директор называл это место садом памяти.

Мэнди пошла к нему. К небольшой травянистой площадке с четырьмя миниатюрными кустиками в горшках. Они выглядели торжественно: вытянутые вверх, листва идеально

подстрижена, придавая им всем одинаковую форму. Летом благодаря цветам и повешенным на стены баскетбольным кольцам сад выглядел более красочно. Оживал и хорошел. Сейчас же площадка казалась голой, под стенами забились коричневые листья, слетевшие с близлежащих деревьев. Сама стена была изогнутой вверху. В самом центре висела медная мемориальная доска имени Петры и Тины. Мэнди посмотрела на нее. Она была массивной. Слова на ней отличались простотой.

В память о двух семиклассницах,
Петре Армстронг и Кристине (Тине) Пойнтер,
которые пропали 28 октября 2010 года.
Они и их семьи всегда в наших молитвах.

Края доски украшали выгравированные цветы – бутоны роз; соцветия, которые еще не достигли расцвета.

Церемония открытия сада памяти состоялась ровно через год после пропажи девочек. Все ученики школы сбились в кучу на небольшой парковке и стояли в молчании, пока произносились молитвы. Родители Тины пришли на открытие, в отличие от Джейсона Армстронга. Зачитали стихи, и Элисон Пойнтер произнесла короткую речь о том, что чтить память – важно и что люди всегда с нами, пока живы в сердцах друзей и семей. Еще она сказала, что никогда не перестанет искать девочек.

Мэнди стояла с краю первого ряда, еле сдерживая слезы в этот момент. Все остальные ученики ее класса выглядели серьезно и сдержанно, но она задалась вопросом, действительно ли им было небезразлично. Прошел целый год, к тому же девочки пропали буквально через восемь недель после начала занятий в средней школе. Мало времени для того, чтобы класс сплотился, сдружился. Вокруг лились слезы, Мэнди видела их, но они быстро высыхали, когда друзья утешали друг друга, наслаждаясь несколькими минутами драмы за счет двух девочек, которых едва знали и которые, возможно, им даже не нравились.

Но Мэнди они нравились. Она хотела дружить с ними и стать частью группы «Красные розы».

Ее раздумья вдруг прервал звук идущих через парковку учеников. Она оглянулась, и ребята ей помахали. Среди них был Джон Уоллис. Он учился в выпускном классе и жил на ее улице. На летних каникулах, когда он узнал, что она осталась продолжать обучение в старшей школе, сдружился с ней, стал поддерживать. Какое-то время она думала, что они сойдутся, но потом появился Томми Элиот. Она улыбнулась Джону и помахала остальным. Ребята не остановились поговорить с ней. Поняли, что она смотрит на сад, и, очевидно, решили, будто девушка молится за своих пропавших подруг.

Так вели себя многие ее одноклассники. Даже сейчас, пять лет спустя, они старались не поднимать эту тему, боясь расстроить ее или обидеть. Это одна из причин, почему ей так сильно нравился Томми. Он учился в другой средней школе и только в начале семестра перешел в их класс. С ним ее не связывала общая история, как с другими учениками. Он не имел к ней никакого отношения, и поэтому Мэнди было так легко с ним общаться. Он был единственным, с кем она могла поговорить о Петре и Тине.

Следующий урок начинался только в одиннадцать пятнадцать, поэтому Мэнди отправилась в общую комнату. Там уже находились ученики, и она слышала раздающиеся из наушников обрывки песен. Девушка взяла себе горячий чай и села. Подула на стаканчик и

увидела, что до конца урока осталось минут десять. Сейчас шла история, на которой она обычно сидела с Томми – в крайнем ряду возле окна. Если она опаздывала, он занимал ей место, и наоборот. Сегодня он мог не беспокоиться, она предупредила его, что пойдет к дому – посмотреть начало сноса.

Он будет по ней скучать, подумала она. Томми всегда писал ей записочки на клочках бумаги. Ему нравилось комментировать одежду и настроение учителя. Иногда делать совершенно неуместные замечания о происходящем в мире. Разок-другой он рисовал внизу листочка поцелуйчики, это смущало ее, и она отворачивалась от него к окну, на случай если покраснеет.

Она вспомнила, как впервые увидела его. Это произошло на предварительном собрании нового класса, на котором их всех поприветствовала мисс Пирс. Он немного опоздал. Мэнди сидела в самом конце, но место рядом с ней пустовало, поэтому она подвинулась, уступив нагретое сиденье ему.

Ее поразила внешность Томми.

Волосы длинные, сам в узких джинсах, ботинках с узорами и застегнутом на все пуговицы пиджаке, под которым проглядывала серебристая футболка. На пол он поставил портфель из грубой коричневой кожи, который выглядел прочным и старомодным – такой подошел бы парню из частной школы.

Томми сильно отличался от парней в своем новом классе. Наконец после пяти лет ношения блейзеров и темных брюк ученикам разрешили надевать любую одежду. И большинство предпочло джинсы, спортивные кофты и кроссовки. Они просто сменили одну форму на другую. И Мэнди от них не отличалась. На ней были джинсы и футболка – почти такие же, как и на других девочках.

У Томми же был свой стиль. Он достал из портфеля большой блокнот и, внимательно слушая мисс Пирс, делал заметки – единственный из всех. После собрания Мэнди заметила, что некоторые парни смотрят на него с опаской и пренебрежением. Но Томми не обращал на это никакого внимания, он свободно общался со всеми, кто к нему подходил.

Он долго разговаривал с Мэнди. Рассказал ей, с каким нетерпением ждет учебы в университете, чтобы уехать подальше от дома и самому принимать решения. Признался, что хочет стать журналистом и разоблачать противоправные действия. Сначала он казался слегка напряженным, но быстро взбодрился и начал шутить о своей прежней школе. На следующий день, на первом уроке английского, он пришел раньше и крикнул ей: «Я занял тебе место!» Она села рядом, и они стали друзьями.

Так прошло семь недель, за это время у нее появились к нему чувства. Она каждый день ждала встречи с ним и печалилась, когда он находился вдали. Рядом с ним день становился ярче, появлялась куча времени для дел. Мэнди даже выглядела лучше – волосы стали пышнее, а улыбка шире. Она хотела рассказать ему о своих чувствах, но не знала, с чего начать. В хорошие дни ей казалось, что то же самое происходило и с ним. Он мгновенно стал популярным и общался со многими учениками, но все время искал ее взглядом, словно она была его якорем. Если она находилась рядом, он не мог ее не касаться: легонько за плечо, провести пальцами по руке, обхватить запястье или похлопать по спине.

Томми на самом деле интересовался ею. Он знал о двух пропавших девочках, как-никак, частенько проходил мимо сада памяти, но, поняв, что она была третьей, был потрясен и полон сочувствия. Для других эта история осталась в прошлом, для него – словно произошла на прошлой неделе.

Прозвенел звонок, а за ним послышался шум открывающихся дверей и вырывающихся в коридоры голосов. Через мгновение звук стал громче, будто кто-то увеличил громкость. Дверь в общую комнату распахнулась, и туда вошли ученики – одни болтали, другие кричали, третьи лазили в сотовых.

Появился и Томми. Он осмотрелся вокруг и, заметив ее, улыбнулся.

– Привет, – сказал он. – Ты немного пропустила на истории...

Она улыбнулась.

– Посмотрела, как сносят дом?

– Да.

Он сел рядышком, вытянув перед собой ноги. И тихонько что-то напевал. Затем перевел тему. Это еще одна причина, почему он ей нравился. Он не заикливался на ее трагедии. Всегда был полон оптимизма и готов сменить тему. Она это ценила. Казалось, с ним она могла снова радоваться жизни.

Сегодня он был в цветном джемпере и широких джинсах с кедами. Портфель стоял на полу между ними. Томми выделялся на фоне других учеников. Она знала, что его одежда из комиссионного магазина. Он создал собственный стиль и хвастался, что почти никогда не носит ничего нового. Мэнди посмотрела на свою одежду: темные брюки и толстовку, которую надела на снос дома. Под ней – черная футболка. Ничего оригинального. У нее не было особого стиля, его же одежда будто рассказывала какую-то историю. Только девушка пока не знала, что это за история.

– Урок прошел как обычно. Империализм и борьба за Африку. Нам дали парочку новых тем для эссе. Я набросал заметки.

– На карте памяти?

– Нет. Ручкой. На листочке. Я же говорил, что запоминаю лучше, когда пишу. Могу сделать тебе копию?

– Я не понимаю твой почерк.

– Я помогу прочесть.

– С картой памяти было бы проще.

– Какое-то некорректное название, серьезно. Карта памяти, которая ничего не помнит. Ее следует называть картой копий, ведь на ней хранятся всякие копии.

Мэнди вздохнула. Томми на пустом месте мог раздуть глубокомысленную беседу. С другой стороны, сложно не восхищаться его страстью даже к таким простым мелочам, как разговор о заметках по истории. Он никогда не стоял на месте. В одну неделю записывал музыкальные клипы, в следующую – создавал коллективный блог и принимал участие в написании романа, действие которого разворачивается в далеком будущем.

– Ты написала эссе по Шекспиру? – спросил он, сделав глоток воды из бутылки.

– Начала.

– Сдавать завтра.

– Знаю. Я возьму отсрочку.

– Разве не лучше не откладывать на завтра? *На завтра, потом еще на завтра и еще.*

– Ты говоришь, как мисс Пирс.

– Кстати об этом, я хотел кое-что у тебя узнать.

Он взял портфель и стал копаться в бумагах.

При нем всегда было полно раздаточных материалов и листочков с заметками. Томми дотошно распечатывал все. «Я не доверяю компьютерам!» – все время повторял он. Наконец

он достал из папки несколько листов и передал ей. Мэнди ожидала увидеть конспект по пропущенному занятию. Но это была распечатка газетной статьи с заголовком «Загадка пропавших девочек».

– Что это? – спросила она, хотя прекрасно знала.

– Мисс Пирс попросила меня произнести речь. На пятой годовщине.

Пятая годовщина через две недели.

– Мероприятие будет только для старшеклассников. Думаю, меня попросили произнести речь, потому что я один из немногих, кто в то время здесь не учился. Но мне как-то неловко. Не знаю, как ты к этому отнесешься. Не будешь ли против.

– С чего мне быть против?

Мисс Пирс поднимала этот вопрос пару недель назад. Она сказала, что хочет попросить Томми произнести речь и надеется, что Мэнди не станет возражать.

– Просто хотел уточнить. Еще она просит, чтобы я написал об этом на школьном сайте. Я тут навел справки. Нет, я знаю, что ты мне все рассказала, но подумал, изучить материалы – лишним не будет. Это документы, которые я скачал. Если ты с ними согласна, тогда я смогу их использовать. Я надеялся, ты не откажешься изучить их и сказать, верно ли там все.

Она хмуро посмотрела на листки. Томми выглядел взволнованным.

– Хочешь, я скажу мисс Пирс, что не буду этим заниматься? Не хочу тебя расстраивать, – сказал он, коснувшись ее руки.

– Не глупи. У меня окно после английского. Я просмотрю и верну тебе все на ланче.

– Спасибо.

Открылась дверь, и в общую комнату вошли Тони с Лиэнн. Заметив Томми и Мэнди, они напрямик направились к ним и затараторили о намечающейся субботней вечеринке.

– Помните Зоуи с экономики? Ее родители уезжают на выходные, но старшие братья поручились проследить, чтобы вечеринка не вышла из-под контроля. Нас пригласили и вас, ребята, тоже, – прочирикала Тони, глядя то на Томми, то на Мэнди.

Парент тут же подключился к разговору о вечеринке. Тони и Лиэнн пододвинули к нему стулья. Мэнди свернула распечатки и убрала в сумку, после чего ускользнула под шумок оживленного разговора.

– Подожди, – окликнул ее Томми.

Она повернулась и увидела, что он идет к ней. Лиэнн и Тони выглядели слегка обиженными.

– Дело в том... наверное, я плохо объяснил, но эта речь должна стать своего рода прощанием с девочками. Тогда ты наконец сможешь оставить все в прошлом. Все закончится. Ты сможешь двигаться дальше.

Томми смотрел ей прямо в глаза. Она смягчилась. Он все продумал.

– Конечно, – пролепетала девушка. – Я просмотрю материалы и верну тебе.

– Ты придешь на субботнюю вечеринку? Будет весело.

– Может быть, – отмахнулась она.

Уходя прочь по коридору, она размышляла о его словах – о том, что она сможет двигаться дальше. «Ты наконец сможешь оставить все в прошлом». Как будто прошлое – какой-то ящик, в котором можно запереть все неприятности. Он не знал, как часто ей это говорили. Не его вина, что он просто повторял то, что она слышала годами.

Все хотели, чтобы она двигалась дальше. Может, однажды так и будет.

После рисования Мэнди нашла в библиотеке тихую комнатку и заняла ее. Здесь находились и другие ученики, кто-то сидел в наушниках, но большинство сосредоточенно писали или читали. Она достала распечатки Томми и пролистала их. Статьи были сложены в хронологическом порядке: сверху самая старая, выпущенная через несколько дней после пропажи Петры и Тины. «Загадка пропавших девочек становится все запутаннее».

Простой и доходчивый текст передавал все известные факты пропажи.

В четверг, 28 октября 2010 года, около пяти часов вечера две двенадцатилетние подруги, Петра Армстронг и Тина Пойнтер, вошли в дом на Принсесс-стрит, Холлоуэй, Северный Лондон. С ними должна была пойти третья девочка, имя которой не оглашается, но она отказалась.

Дом принадлежал Джорджу Мерчанту, семидесятидевятилетнему бухгалтеру на пенсии. Источники утверждают, что у Мерчанта было плохо со здоровьем и он редко выходил из дома. Он жил в одной комнате огромного дома, и девочки, по словам их подруги, хотели осмотреть ветхое здание. Поговаривали о наводнивших здание привидениях.

Когда полиция вошла в дом, Джордж Мерчант был мертв – скончался от травмы головы. В доме все было перевернуто, обстоятельства указывали на ограбление. Девочек внутри не оказалось. Продолжается криминалистическая экспертиза. Также ведется тщательный обыск сараев и сада. Пока нет никакой информации о судьбе Петры и Тины. Начался масштабный поиск, их фотографии уже опубликованы в СМИ и соцсетях.

Ниже вставлены школьные фотографии Петры и Тины: небольшие прямоугольные снимки двух улыбающихся девочек, снятые за несколько недель до пропажи. В начале года в школу приходил фотограф. Мэнди посмотрела на фотографию Петры. Ее длинные прямые волосы были разделены пробором посередине и органично обрамляли лицо. Петра неуверенно улыбалась. Выглядела серьезной, даже скромной. Это так отличалось от фотографий, на которых она была в наряде их группы. На них она всячески позировала с накрашенным лицом и улыбалась во все тридцать два зуба. Тогда Петра надувала губки и выглядела взрослой. Но в реальной жизни она редко улыбалась. И казалось, все время пожевывала уголок губы.

Мэнди перевела взгляд на фотографию Тины. Тина всегда выглядела одинаково. У нее были вьющиеся волосы, которые она убирала назад заколками или ободками. Широкая улыбка, ямочки на обеих щеках. Глаза сверкают, словно ей только что подарили подарок. На фотографиях группы она выглядела так же. Тина была Тиной, а у Петры было множество лиц.

Мэнди продолжила читать статью.

Две девочки пропали. Полиция придерживается нескольких версий событий. Хоть девочки очень юны, есть вероятность, что они убежали и где-то прячутся. Полицейские силы всего юго-востока просят владельцев загородных домов обыскать свою собственность. Полиция заявляет, что активно ведет расследование.

Мэнди помнила эту историю. В те первые дни после пропажи девочек всех

настоятельно просили проверить постройки, сараи, пустые квартиры и загородные дома. Мэнди этого не понимала. Она видела, что девочки вошли в дом. Рассказала об этом полиции. Откуда взялась версия, что они убежали? Мэнди помнила, что Тина была в старой толстовке с длинными рукавами – наверняка маминой. Петра надела легкую курточку и тряслась, стоя на улице.

Зачем Петре и Тине заходить в дом, а потом по собственной прихоти сбежать в сельскую местность? Как они могли незаметно прятаться в чьей-то квартире, коттедже или фургоне? Интуиция подсказывала, что все произошло совсем не так. И пять лет спустя эта версия казалась такой же нелепой.

Следующая статья Томми датировалась несколькими днями позже. Тогда у полиции появилась новая версия. Мэнди помнила волнение своих родителей, когда распространились эти новости. Версия казалась вполне разумной.

ПРОПАВШИЕ ДЕВОЧКИ МОГЛИ СТАТЬ СВИДЕТЕЛЯМИ УБИЙСТВА

Несмотря на масштабный поиск, о местонахождении Петры Армстронг и Тины Пойнтер по-прежнему ничего не известно. 28 октября две двенадцатилетние девочки вошли в дом пожилого мужчины, и с тех пор их не видели.

Прошлым вечером на пресс-конференции главный инспектор Малькольм Робертс выступил с заявлением. «Смеем предположить, что события на 58-й Принсесс-стрит могли произойти одновременно. Иными словами, убийство мистера Джорджа Мерчанта могло произойти в тот временной отрезок, когда две девочки вошли в дом. В этом случае мы рассматриваем версию, что девочки стали свидетелями убийства мистера Джорджа Мерчанта неизвестным лицом или группой лиц. Это могло привести к похищению, и поэтому мы считаем, что девочек могут удерживать против их воли в неустановленном месте».

Благодаря общественности был опознан фургон, припаркованный тем вечером возле дома.

Как утверждает полиция, вследствие проверки прошлого мистера Мерчанта выяснилось, что, будучи бухгалтером, он имел дела с клиентами, связанными с организованной преступностью. «Это могло быть мстью за какие-то неправомерные действия», – сказал главный инспектор Робертс.

Тем временем полиция разыскивает белый фургон марки «Форд» с огромной царапиной с водительской стороны и, возможно, номерным знаком 2007 года регистрации. Также общественность просят проявлять бдительность и сообщать о любой необычной активности в местных районах.

Мэнди откинулась на спинку стула и потянула цепочку на шее. На ней висел кусочек янтаря, который мама сняла со старой брошки, найденной на антикварном рынке. Мэнди превратила его в кулон. Камень скользил под ее пальцами, она подняла его и прижала к губам.

В версии полиции было разумное зерно. Мэнди думала об этом часами, днями, неделями после произошедшего. Она оставила Петру и Тину на улице за несколько минут до того, как они пробрались в заднюю калитку дома. Что, если они наткнулись на того, кто убивал мистера Мерчанта? Мог ли этот человек (или несколько людей) запаниковать и куда-то их увезти? Могли ли преступники удерживать девочек, пока не решат, что с ними делать?

В следующие дни по телевизору высказывались различные теории. Пресса негодовала. Полиция выдвинула ряд версий произошедшего. Три двенадцатилетние девочки шли по Принсес-стрит, затем одна из них отделилась, а две другие направились к дому. Было темно, все находилось дома, на улице никого не оказалось, поэтому Мэнди не понимала, как кто-то мог что-то вспомнить. Но полиция настаивала на том, что «нашлись новые зацепки и информация».

Мэнди снова посмотрела на статью. Затем перелистала всю стопку. Все это начинало раздражать. Слишком много ненужных мыслей. Зачем Томми скачал все эти статьи? Какое это имело отношение к речи на поминальной службе? Это просто голые факты. Две девочки пропали. Объяснения нет. Что еще нужно знать Томми, чтобы произнести речь перед классом? И тут она вспомнила, что его попросили написать об этом на школьном сайте. Мэнди вздохнула.

Когда она ушла из общей комнаты, Томми остался с Тони и Лиэнн. Интересно, сел ли он с ними на социологии. Она представила, как они хитренько устроились по обе стороны от него, и уже в который раз пожалела, что не выбрала социологию в качестве одного из предметов.

Мэнди раздраженно вытащила последние листки. Томми добавил и более серьезную статью, подлиннее – вероятно, из приложения к «Сандей Трибьюн». Наверху стояла дата – июнь 2011 года. Это восемь месяцев после пропажи. К тому времени многие газеты перестали освещать это событие, хотя одна еще примерно каждые пару недель продолжала выпускать статьи с ужасными заголовками. Мэнди вспомнила некоторые из них: «Девочек-мотыльков похитили из дома», «Привлеченные домом девочки», «Мрачный дом привлек девочек-мотыльков», «Загадочный дом таит страшные секреты».

Девочки-мотыльки.

Она уже несколько лет не вспоминала этот оборот.

От него ей становилось не по себе. Он ей не нравился. Ей не нравились мотыльки. Они вызывали у нее озноб. Залетали в комнату в летнюю ночь и устремлялись к свету, иногда бросались на абажур, громко стуча по нему крыльями. Они были темными и мохнатыми, сидели высоко на стенах, откуда их невозможно согнать. Появлялись бесшумно и только когда темнело.

Пресса называла Петру и Тину мотыльками, потому что тех тянуло к дому. Он манил их. Хоть Мэнди и не нравилось это название, она не могла не признать его справедливость. С того самого момента, как она начала общаться с девочками, Петра постоянно трюндела о том, чтобы пробраться в тот дом на Принсес-стрит. Тина почти никогда о нем не говорила, но имела привычку во всем слушаться Петру.

Мэнди бездумно скользила взглядом по статье. Теперь она расстроилась. А еще немного разозлилась. Зачем она вообще все это читала? Она засунула распечатки в сумку и вышла из библиотеки. Направилась в столовую и, добравшись до места, осмотрелась в поисках Томми. Он сидел за дальним столиком с Тони и Лиэнн. Зоуи тоже присоединилась к ним, а с ней и несколько незнакомых Мэнди парней. Через весь зал было видно, что Томми сидит в самом центре компании и о чем-то рассказывает. Все смотрели на него, внимая каждому прозвучавшему слову. У Мэнди защемило в груди. Томми был популярным. Открытым для общения. Вот почему он всем нравился. Такие люди, как Томми, принадлежали всем.

Он заметил Мэнди, встал и направился к ней. Остальные перекинулись взглядами. Похоже, ей здесь не рады. Мэнди недвижно стояла на месте. Она не собиралась им мешать.

– Привет, – произнесла она, доставая распечатки. – Я просмотрела. Кажется, тут все верно.

И передала листки ему.

– Я покажу тебе речь, когда напишу.

– Не нужно.

Он поморщился. Ему нравилось это задание, и он хотел хорошо его выполнить.

– Зоуи только что рассказывала нам о вечеринке. Ты же придешь?

– Не знаю, может быть.

Он подошел ближе и положил руку ей на локоть.

– Без тебя будет уже не то.

У Мэнди буквально ноги подкосились. Она ощущала тепло его пальцев и безумно хотела до них дотронуться.

– Возможно, я смогу прийти, – уступила она.

– Отлично! Спасибо, что просмотрела материалы, – ответил он и ушел.

Глава 6

Вернувшись домой в пятницу уже к вечеру, Мэнди услышала из кухни голос Элисон Пойнтер. Та разговаривала с ее мамой. Девушка растерянно замерла в коридоре и прислушалась к тону беседы. Она прикупила новую одежду для вечеринки у Зоуи. И это подняло ей настроение, но сейчас, когда в их доме находилась Элисон, Мэнди смотрела на пакеты и ощущала вину. Никогда нельзя было предсказать, что принесет с собой визит Элисон. В одни дни она выглядела подавленно, плакала и не успевала доставать салфетки из коробки. В другие – пребывала в хорошем расположении духа, вела себя оживленно и поделовому, излагала планы по новым проектам.

Судя по бодрому голосу, сегодня у Элисон был хороший день.

Мэнди расслабилась.

– Милая, это ты? – крикнула мама.

– Да. Сейчас подойду.

Она поднялась наверх и закинула пакеты в комнату, после чего спустилась на кухню. Элисон сидела за кухонным столом в элегантном наряде из темных брюк и кремового джемпера. На полу, возле стула, стояла огромная сумка, больше напоминающая чемодан. На спинке соседнего стула неряшливо висело кожаное пальто. Взгляд Мэнди упал на темно-красные ногти Элисон. Женщина выглядела под стать для телевизионного интервью. В прошлом Элисон одевалась так же, как мама Мэнди, за исключением тех дней, когда работала секретарем у доктора. Теперь же она обычно одевалась с иголочки.

Мама Мэнди была в джинсах и свободной кофте. Сбоку от женщин стояли миски и пакеты с мукой. Она снова пекла. Нет сомнений, что позже это превратится в торт «Виктория» или кекс «Мадейра».

– Мэнди! Как дела? – с широкой улыбкой спросила гостя.

– Здравствуйте, Элисон, – лишь поздоровалась она.

Мэнди потребовалось много времени, чтобы осмелиться называть миссис Пойнтер по имени. Она выдвинула стул и села.

– Ты видела, как сносят дом? Сосед говорит, что теперь от него ничего не осталось.

– Только самое начало, утром во вторник, но больше не была там. Я хожу в школу другой

дорогой, поэтому результат не видела...

– А я специально не пошла. Это слишком тяжело. Я много лет подряд ходила мимо этого дома, ощущала в нем небольшое утешение, ведь это место стало для Тины последним... Знаешь, я боялась, что могу попытаться им помешать. Такой абсурд. Если и есть дом, который я должна ненавидеть, то это он.

– Я видела там Джейсона Армстронга, – призналась Мэнди.

Элисон нахмурилась.

– И что он сказал?

– Я недолго с ним разговаривала, – ответила Мэнди, вспоминая его слова и то, как они ее расстроили. – Выглядел он неважно.

– Слышала, он живет в хостеле, где-то в Восточном Лондоне. Пропавший человек.

– Наверное, потеряв Петру...

– Он всегда был таким. Знаешь, после пропажи девочек я попросила его принять участие в поисках, но он отказался. Сказал решительное «Нет, спасибо!». Представляете? За последние пять лет он палец об палец не ударил! Ему нет оправдания!

– Говорят, их семья состояла на учете в социальной службе, – вспомнила мама.

– Я всегда это знала. У нас в клинике имелись записи по ним. До того как все произошло, я их не просматривала, но знала, что у него были проблемы. Почему, вы думаете, я не разрешала Тине оставаться у них? Почему все ночевки проходили у меня дома?

– И у нас, – добавила мама. – Девочки один раз оставались здесь.

– Конечно! Я была очень рада, что Тина осталась у вас. Знала, что она в безопасности.

– У Элисон потрясающие новости.

– Правда?

У Элисон всегда было что рассказать. Она состояла в комитете, который занимался защитой и вопросами безопасности детей. Еще она создала популярный сайт под названием «Жив и здоров», на котором обменивались информацией по пропавшим детям.

– Видели девочку, предположительно похожую на Тину, – тихо произнесла Элисон.

– Видели? Снова?

– Знаю, за эти годы такое случалось часто, но сейчас все иначе. За последнюю неделю со мной связались три человека, живущих во Франции в радиусе тринадцати квадратных километров, в окрестностях городка Бержерак. Это сельская местность. А теперь самое интересное. Один из них прислал фотографию.

– Фотографию?

Глаза Элисон сверкали.

– Сейчас покажу, – сказала она и полезла в сумку. Достала айпад и пару раз потыкала пальцем по экрану. – Вот.

Мэнди взяла айпад. И на экране увидела размытую фотографию девушки, стоящей возле машины на газоне перед гаражом. Она опиралась на крышу кузова и смотрела вдаль. Дальше шел снимок чуть поменьше – на нем девушка, снятая по плечи. Вьющиеся волосы убраны назад заколками, на щеках ямочки. В этих двух девушках прослеживалось сходство.

– Вторая фотография – обработанное компьютером изображение Тины. Мы меняем ее каждые полгода. Примерно так она выглядит сейчас. Конечно же у нас есть и фотография Петры. Вообще-то, мы загрузили на сайт такие фотографии порядка двадцати детей. Сложно поверить, что столько пропавших. Так много несчастных семей.

Мэнди посмотрела на маму. Она явно чувствовала себя некомфортно, соскребала ногтем

что-то с поверхности стола. Такие разговоры с Элисон всегда заканчивались тяжелым молчанием. Ее разбитое сердце находилось в одной комнате с безутешными женщинами, и никто не знал подходящих слов, чтобы облегчить боль.

– Но видели *Тину*, – подчеркнула Элисон. – Поэтому я так взволнована. Три раза за неделю. Полиция уже принялась за дело, и жандармы им помогают. Я вылетаю туда завтра.

Мэнди закивала, уже представляя, как Элисон сидит в самолете у прохода, аккуратно пристегивает ремень и говорит случайному спутнику: «Я найду свою дочь».

– Звучит многообещающе, – сказала Мэнди.

– Да, – согласилась Элисон.

Затем взяла айпад и посмотрела на фотографию. Подняла палец, словно собиралась провести им по экрану или сменить приложение. Но вместо этого он завис над изображением девушки, окрашенный в цвет рубина ноготь оказался всего в паре миллиметров от ее лица.

– Это может стать огромным достижением, – еле слышно прошептала она. – Важной вехой. Не только для Тины, но и для Петры.

– Полиция будет следить за этим, – добавила мама. – К тому же они сотрудничают с Интерполом.

Элисон не раз приходила в их дом и делилась новостями о ложной надежде. Девочек и раньше где-то видели. В Лестере, Дареме, Глазго. И даже за границей: в Португалии, Франции, на Майорке, Канарских островах. Все эти места кишели английскими туристами, которые осматривались и вглядывались в девочек, подходящих под описание. Они не намеренно вводили в заблуждение, просто больше всего на свете хотели предстать правыми. Хотели найти этих двух милых девочек и вернуть в семьи. Каждая зацепка была отработана и каждая оказывалась ложной. Со временем количество зацепок уменьшилось, дело замедлило ход, а загадочности лишь прибавилось. Что с ними стало?

Мэнди вспомнила девочек, запертых в подвале в Кливленде. Интересно, о чем подумала Элисон, когда прочитала об этом случае.

– Мне пора, – сказала гостя. – Много дел. Я дам вам знать, как пойдут дела во Франции. Хотя... – она понизила голос, – если это Тина, ну... я не знаю, как быть. Но если не она... то это оставит на мне серьезный отпечаток.

– Я вас провожу, – предложила Мэнди.

Элисон убрала айпад в сумку, расправила складки на брюках и сняла со спинки стула пальто.

– Скрестите за меня пальцы!

– Как и всегда, – ответила мама.

Мэнди вышла в коридор и открыла входную дверь.

В дом проник холодный воздух.

Элисон притормозила на секунду, чтобы накинуть пальто. Застегнула все пуговицы и завязала пояс. Затем повернулась к зеркалу и посмотрела на себя. Убедившись, что все в порядке, сделала шаг в сторону двери. Но замешкалась и вдруг охнула, как будто забыла нечто важное. Мэнди думала, что она вернется на кухню что-то забрать со стола или поделиться последней сплетней с мамой. Но вместо этого Элисон подошла к девочке и крепко взяла ее за руку.

– Знаешь, Мэнди, я больше не виню тебя, – заговорила она тихо-тихо, прямо в ухо, не желая, чтобы кто-то услышал. – В то время я могла наговорить тебе лишнего. Я была к тебе

несправедлива. Произносила то, чего не следовало. Ты была всего лишь ребенком. Это не твоя вина. Я больше не считаю тебя виноватой. Совсем.

Мэнди не ответила. Только слабо улыбнулась. Элисон вышла из дома и, не поворачиваясь, помахала рукой. Закрыв дверь, Мэнди ощутила на своих плечах тяжелый груз. Мама постоянно говорила эти слова. «Это не твоя вина, Мэнди».

Но Мэнди винила себя. Всегда винила и будет винить.

Глава 7

Позже тем вечером, когда родители смотрели телевизор, Мэнди вошла в свою комнату и закрыла дверь. Слова Элисон непрерывно крутились в ее голове. Девушка едва притронулась к еде, и пришлось оправдываться перед мамой за отсутствие аппетита. После ужина она помогла убрать тарелки и приняла ванну. И теперь, оказавшись в спальне, ответила на эсэмэски – три от Томми и две от знакомых девочек. Затем повесила на вешалку новую одежду – красный топ и черные джинсы – и прицепила ее к дверце шкафа, чтобы можно было полюбоваться. Туфли поставила вниз. Они были красными, как и топ, и на высоких каблуках. Мэнди перевернула их, немного сомневаясь в правильности своего выбора. Некоторое время спустя она навела порядок в коробке с бусинами, рассортировала застёжки и резинки, чтобы сделать бусы. Но из рук все валилось, и было сложно нанизать бусины, поэтому она закинула их обратно в коробку и захлопнула крышку. Настроилась на мысли о предстоящей вечеринке у Зоуи. В эсэмэсках Томми предлагал договориться, как пойти.

«Во сколько думаешь туда поехать?»

«Принесешь выпивку?»

«Может, встретимся заранее?»

Но она не могла перестать думать о словах Элисон. И в конце концов легла на кровать и предалась воспоминаниям о своей короткой дружбе с Петрой и Тиной. Она продлилась всего семь недель, но оказалась определяющим фактором ее подростковой жизни.

Мэнди вспомнила первый день в средней школе и то, как познакомилась с девочками. Весь класс был разбит на небольшие компании, в которых дети знали друг друга еще с начальной школы. А она не вписывалась. Мисс Пирс заставила Петру с Тиной убрать рюкзаки со свободного места, чтобы Мэнди могла сесть. Тина вела себя мило. Семья Мэнди летом переехала в дом на ее улице, и их мамы быстро сдружились. Петра же держалась замкнуто. Часто в ответ пожимала плечами и отворачивалась, будто Мэнди вовсе не было. После уроков Мэнди пошла вместе с ними. В какой-то момент Петра свернула на свою улицу, и тогда Тина оживилась. Принялась болтать и рассказывать о папе, который жил с визажисткой в Южном Лондоне. Когда они дошли до ее дома, она дружелюбно сказала: «Увидимся завтра».

Но на следующий день Мэнди ожидал холодный прием от Петры и неловкие улыбки от Тины. Хоть она и сидела с ними рядом, все равно ощущала себя лишней. И только во время ланча они немного оттаяли. Девочки хотели устроить репетицию «Красных роз» и попросили Мэнди последить за их вещами. Ей разрешили разместиться в спортивном зале и послушать, как они поют. Петра показывала Тине новые танцевальные движения, а Мэнди горячо хлопала после каждой песни.

Тем вечером, по дороге домой, Петра громко и ясно сказала: «Тебе не место в нашей группе. Это дуэт. Только мы вдвоем!» Но Мэнди уже это знала. Петра с Тиной были худенькими и могли носить облегающую одежду, Мэнди же была пухленькой и предпочитала толстые джемпера и свободные джинсы.

Эта дружба была неравной, Петра с Тиной словно сидели в лодке, а Мэнди цеплялась за ее край, еле-еле удерживая голову над волнами. Но она не возражала, просто была благодарна, что девочки позволили ей остаться.

Шли недели, и Мэнди становилось все комфортнее в их компании, хотя Тина ей нравилась больше. Они жили рядом и много времени проводили вместе. Петра не всегда вертелась с ними. Она пропускала школу и частенько ходила с папиной подружкой по магазинам. Иногда после ужина Мэнди шла к Тине и звала к себе. Та соглашалась, но просила подругу пообещать не рассказывать об этом Петре, и она молчала. Со временем Петра все же подпустила Мэнди ближе к группе и даже пришла к ней с ночевкой. Мэнди, в свою очередь, разыгрывала интерес к увлечению Петры домом, в котором, по ее мнению, обитали привидения. Однажды Мэнди нехотя последовала за Петрой и Тиной к заднему дворику того самого дома, но их прогнал оттуда разгневанный сосед. Пару раз она спрашивала Тину, почему Петра такая странная, но та никогда не обсуждала свою лучшую подругу, поэтому Мэнди оставила эту тему.

На каникулах Петру словно подменили. Она потеряла телефон. Стала дерганой и практически забросила группу. Постоянно похлопывала по карману, хотя телефона там не было. А ее одежда была грязной. На одной неделе она три дня подряд надевала один и тот же топ. И выглядела неряшливо. Когда Мэнди пришла позвать Тину к себе, то услышала, как мама спрашивает ее: «Как дела у Петры? Отец опять устраивает проблемы?» И тогда она спросила у Тины, что имела в виду ее мама.

«Папа Петры болен алкоголизмом», – ответила та. Мэнди решила, что у мужчины похмелье, и только позже она узнала, что у него серьезные проблемы с алкоголем, что он пил весь день и иногда даже не мог встать с кровати. Настроение Петры ухудшалось, и каждый раз, когда они ходили в газетный киоск, она стояла и смотрела на дом.

У Тины тогда были свои проблемы. Мама не разрешила ей погостить у папы. И девочке оставалось надеяться на его визиты. Бывало, он обещал, что приедет, но нарушал данное слово и обвинял в этом движение в Блэкуолл Таннел. Глаза Тины блестели от слез, и Мэнди старалась ее успокоить. Ей нравилось, когда они оставались только вдвоем, она и Тина. Ночью, лежа в кровати, Мэнди фантазировала о том, что Петру насмерть собьет машина, и тогда они с Тиной станут лучшими подругами. Когда девочки пропали, у нее на душе заскребли кошки. Как будто злая фея-крестная услышала желания и наказала ее, освободив и от Петры, и от Тины.

В тот четверг они весь день провели у Тины дома. Это был предпоследний день каникул. Они обсуждали свои планы на Хеллоуин. Родители Мэнди устраивали вечеринку для друзей и приглашали Тину и Петру остаться у них с ночевкой. За разговорами об этом они решали, стоило ли спеть парочку песен группы.

Как вдруг Петра поднялась.

«Мне все это надоело, пойдём в магазин», – сказала она и достала деньги из кармана.

Они дошли до газетного киоска на Принсесс-стрит и собрались было назад, как вдруг внимание Петры привлек дом напротив. Мэнди посмотрела на него. Была половина шестого, на улице темнело. Дом казался мрачным, свет горел лишь в одной из комнат на нижнем

этаже. Петра очень долго на него смотрела. Мэнди ожидала от нее обычного комментария о том, что однажды они проберутся туда, но Петра убрала деньги в карман и сказала: «Думаю, нам стоит зайти в дом. Мы неделями обсуждали это. У задней двери на крючке есть ключ».

Мэнди это удивило. Она никогда прежде не слышала, чтобы Петра говорила о ключе.

В итоге Тина пошла с Петрой. Естественно, она же была ее лучшей подругой. Петра потянулась и подхватила Тину под руку. «Мы всегда все делаем вместе. Дружим уже шесть лет. Если не хочешь, можешь не идти, Мэнди. Я понимаю». И Тина позволила утащить себя на задний двор.

Мэнди с растущим недовольством смотрела, как они уходят. Что такого в этом доме? Было темно, холодно. Тина надела мамину толстовку и накинула на голову капюшон. Когда калитка в сад закрылась, Мэнди отвернулась, ее терпение было на пределе. Она не собиралась стоять и ждать их! И она пошла к себе домой, внутри нарастала обида. Наверное, ей стоило найти других друзей. Начать все с нуля в понедельник, сесть с другими ребятами. Мэнди надоело, что с ней обращаются как с идиоткой. «Красные розы» – глупое название для группы.

Когда выяснилось, что ни Петра, ни Тина не вернулись в тот вечер домой, Мэнди впала в молчаливую панику. «Ты знаешь, куда они пошли?» – спросила мама.

Она яро замотала головой. «Мы поругались возле газетного киоска, и я пошла назад». Как она могла сказать маме, что девочки пошли в старый дом и что она подумывала присоединиться к ним? Как могла признаться, что они обсуждали нечто подобное? Тогда выяснится, что пару недель назад они уже заходили во двор. Вторглись на частную территорию и были выгнаны соседом. Это станет концом свободы, которую она выбивала себе с момента перехода в среднюю школу. Ей разрешили самой ходить к Тине. Объясняться общей фразой: «Я недолго погуляю с Тиной и Петрой». Как только она расскажет про дом на Принсес-стрит, все это закончится. Тогда не будет иметь значения, есть ли у нее друзья, потому что ее никуда не выпустят.

В тот вечер, когда они пропали, Мэнди сидела в кресле в гостиной и нервно переключала с канала на канал, прислушиваясь к маминим разговорам по телефону. Без сомнений, с мамой Тиной она уже говорила. В воздухе повисли напряжение и беспокойность взрослых, которые в любой момент могли превратиться в гнев. Зачем рассказывать им о том, что произошло, если, вероятнее всего, Тина с Петрой пошли куда-то еще. Может, Петра потащила Тину побродить по магазинам с подружкой отца? Может, они отправились в «Макдоналдс» и просто забыли всех предупредить? А может, кто-то из них упал, подвернул лодыжку, и они сидели где-то в отделении травматологии? Зачем рассказывать про дом и одинокого старика, который жил там?

Но часы все шли, и Мэнди ощущала себя в западне. В восемь вечера она уже не могла просто сказать: «Ох, вообще-то, я знаю, куда они пошли». А затем она услышала, как мама сообщила папе, что Элисон Пойнтер поехала в Южный Лондон проверить, не отправилась ли Тина к отцу и его подружке.

Мэнди ненадолго расслабилась, потому что это казалось хорошим объяснением. Тина злилась, что не видела папу больше половины семестра. Вполне возможно, когда им надоел этот дом на Принсес-стрит, Петра сказала: «Давай съездим к твоему папе!» Тина могла написать об этом маме, не зная, что в тот самый момент телефон разрядился и сообщение не отправилось.

Но позже Мэнди узнала, что телефон Тиной лежал дома на зарядке. Так что пропавшие

девочки остались без связи.

В дом пришла полиция, и телевизор выключили.

Последовал вопрос за вопросом.

И в одиннадцать вечера она все же рассказала правду.

Все получилось внезапно. «Я знаю, куда они пошли», – пробормотала она, всхлипывая, и все рассказала. Она увидела, как удивилась мама. Выражение лица полицейского миг изменилось. Он резко встал и снова сел. Достал телефон и быстро заговорил в него, все слова сливались в одно, так что она едва могла их разобрать. А потом он ушел. Родители сидели на диване, держа друг друга за руки, и смотрели на нее как на незнакомку.

После этого многие спрашивали ее, почему она сразу не рассказала, куда пошли девочки. Офицер Фаррадей сидел на диване в гостиной, его глаза потемнели от огорчения, и он спросил: «Почему ты сразу нам не рассказала, Мэнди? Если бы мы знали, что они в том доме, то немедленно отправились бы туда. Мы могли их спасти».

Почему она не рассказала им?

Отгнав воспоминания, Мэнди взяла ноутбук. Открыла поисковик и вбила название сайта «Жив и здоров». Зашла на него и кликнула на страницу под названием «Петра Армстронг». На одной стороне экрана располагалась фотография двенадцатилетней Петры. На другой – обработанное компьютером изображение того, как Петра выглядела бы в семнадцать лет. Фотография девочки постарше поражала. Те же длинные волосы, то же скрытное выражение лица. Только скулы заострились и глаза казались больше, хотя, присмотревшись поближе, Мэнди заметила на них подводку. Девушка с изображения не угрюмилась, но и не улыбалась.

Петра Армстронг почти наверняка мертва.

Мэнди взглянула на новую одежду. Черные джинсы свисали из-под красного топа. Туфли на каблуках стояли внизу на ковре. Этот наряд не отличался от того, что носили для группы Петра и Тина. Мэнди ощутила укол боли, глядя на ожидающую ее одежду. Ей так и не разрешили присоединиться к «Красным розам».

Встав, Мэнди сняла вешалку с двери. Открыла шкаф и повесила наряд между другими. Взяла туфли и поставила на полочку. Ей шел красный цвет, и не было причин этого стыдиться.

Элисон сказала, что больше не винит ее. Мэнди в это не верилось. Мама пропавшей девочки произнесла эти слова в элегантном наряде и с крутой кожаной сумкой в руках. В тот момент она казалась настолько непоколебимой и сильной, что могла простить что угодно. Но Мэнди не сомневалась, что когда красивая одежда снималась и Элисон сидела в халате и тапочках, то снова и снова задавалась вопросом, почему подруга дочери пять часов не признавалась в том, куда пошли девочки.

Пять часов, которые могли все изменить.

Глава 8

Вечеринка начиналась в восемь. Они с Томми договорились встретиться пораньше в кафе на главной улице, но он написал, что у него возникло срочное дело, и предложил состыковаться уже на месте. Это означало, что ей придется идти одной. Мэнди замешкалась, гадая, как поступить. Она могла пойти со знакомыми девочками, но не хотела.

В классе у нее на самом деле не было подруг. Когда-то она дружила с Софи Брюэр, но

после Рождества ее семья переехала в другой дом, и теперь та ходила в школу в Барнете. Сначала Мэнди поддерживала с ней связь, подолгу болтала по телефону, отсылала кучу сообщений о том, что происходит в школе. Даже несколько раз оставалась у нее на выходные, и Софи показывала ей окрестности. Но шли месяцы, и девочки стали общаться меньше. Пару раз они встречались на Оксфорд-стрит, чтобы походить по магазинам, но Мэнди чувствовала себя одинокой, слушая рассказы Софи о школе и новых друзьях. И начала искать отмазки. Общение подошло к концу, и к летним каникулам Мэнди поняла, что уже много недель не писала и не звонила Софи. Даже не заглядывала на ее страничку в Фейсбуке.

В школе она общалась с некоторыми девочками и часто сидела в компании давних знакомых. Такого рода отношения легко начинать и заканчивать, когда удобно. И ее дружба с Софи тоже попадала под эту категорию. У Софи было две младшие сестры и много семейных проблем. Ее дружба с Мэнди всегда шла вторым планом. И девочку это устраивало. Она даже находила забавным, когда ученицы из ее класса начинали паниковать из-за того, что придется провести урок без подруги. Лучше быть независимой. Если станет нужно, она завяжет дружбу. Зато так можно избежать эмоционального давления.

Она решила сама добраться на вечеринку Зоуи. Какое-то время критично поразглядывала купленный топ и джинсы. Затем примерила их и, пройдясь по комнате на каблуках, с замиранием сердца поняла, что как раз такая одежда, скорее всего, и не понравится Томми. Наряд из магазина в центре города, сто процентов сшитый в странах третьего мира. Ко всему прочему, он не в ее стиле. Томми сразу это заметит, хотя воспитание не позволит ему озвучить подобное вслух.

Мэнди присела на кровать. В магазине она увлеклась мыслями о том, как хорошо красный цвет гармонирует с ее кожей и как черные джинсы визуально удлиняют ноги. А еще туфли. Обычно она не носила каблуки, но эти привлекли ее внимание. В магазине громко играла музыка, и консультант сказала, что все молоденькие сотрудницы уже взяли себе по паре таких. И поддавшись минутному порыву, Мэнди их купила.

Нужно было пойти в комиссионный магазин.

И тогда у нее появилась идея. Можно сказать, что она купила их в комиссионном магазине. Мэнди подняла одну туфлю. Красная кожа выглядела безупречно. Придется слегка их поцарапать, чтобы придать им поношенный вид, хотя бы немного. «Смотри, я взяла их почти за бесценок», – скажет она, и Томми это понравится.

Джинсы были самыми обычными. Можно просто надеть с ними черный топ. А еще добавить самодельные украшения. Это единственное, что одобрял Томми. Ему нравилось, что она мастерит браслеты и бусы. Он оценивал каждую безделушку и говорил, что делать вещи своими руками – важно, нельзя полагаться только на других людей.

Он много думал о планете и ее ресурсах.

Мэнди никогда не встречала такого, как он. Вот почему парень ей так сильно нравился. Может, сегодня на вечеринке она как-то намекнет ему о своих чувствах. Там будет алкоголь, а когда ты пьян, тебе прощаются вопиющие поступки. Если она все поняла неправильно, то всегда может сказать: «Ох, не бери в голову! Я становлюсь сентиментальной, когда выпью. Ты же не подумал, что я серьезно?»

Девушка передела топ и нацепила бусы. Мама вытирала пыль в коридоре. Мэнди накинула пальто.

– Во сколько папе тебя забрать? – спросила женщина.

– Ненавижу называть время. Можно я просто возьму такси?

– Он не против попозже лечь спать. Во сколько? В двенадцать? В час?

– Давай я потом позвоню? Буду не позже часа. Обещаю.

– Хорошо, я ему передам.

Мэнди обошла ее.

– Это новые туфли? – спросила мама.

– Из комиссионного магазина, – ответила она, чтобы оценить, как звучит ложь.

К ее приезду вечеринка уже шла полным ходом. Она поздоровалась со знакомыми ребятами, и Зоуи проводила ее на кухню. Мэнди не стала снимать пальто, поскольку не знала, куда его положить. Зоуи представила ей своих братьев и их друзей. Затем раздался звонок, и Мэнди осталась одна. Братья Зоуи были выше и шире большинства ребят здесь, на лицах больше волос. Мэнди обошла их и направилась к столу с выпивкой. Поставила туда бутылку вина и поискала банку пива. В помещении царил полумрак, но на дверцах шкафчиков висели гирлянды. Атмосфера гостеприимная, как в Рождество. Девушка немного расслабилась. Оглянулась посмотреть, кто пришел. Обвела взглядом комнату в поисках Томми. Но это был не он, просто какие-то незнакомые ребята.

– Ты не останешься? – произнес чей-то голос.

Люси. Они вместе ходили на историю. Мэнди едва ее знала. Одноклассница показывала на пальто.

– Я немного замерзла, – ответила Мэнди, не желая пока его снимать.

– Как тебе история? Мне уже так надоели лекции. Скучища невероятная.

– Ага.

На самом деле Мэнди не скучала на истории, но только потому, что сидела с Томми. Он ее развлекал. В противном случае она бы на стены лезла от скуки.

– Что вы делаете на английском? Я в параллельном классе.

Мэнди нахмурилась в раздумьях. Она никогда раньше не общалась с Люси. Интересно, почему девушка завязала этот разговор?

– Сейчас проходим «Кошку на раскаленной крыше».

– Я бы тоже хотела! А у нас после каникул по плану «Антоний и Клеопатра»!

Ребята пытались пробраться мимо них к выпивке. Мэнди отходила то туда, то сюда, поэтому едва слышала Люси.

– Хочешь пойти в другую комнату? Там больше места, – повысив голос, предложила Люси.

– Конечно.

Мэнди последовала за ней, все время оглядываясь по сторонам на случай, если упустила Томми. Гостиная оказалась просторней, тут ребята сидели на диване. Музыка играла громко, но никто не танцевал. Люси направилась к окну. Мэнди заметила, что у нее очень длинные волосы. Кончики тонкие, как волосики у деток. Очевидно, она из тех девушек, которые никогда не стригутся.

Мэнди стало жарко в пальто, и она скинула его с плеч.

– Здесь тепло...

– Положи его сюда, – предложила Люси, указывая на кресло с куртками в углу.

Отложив пальто, Мэнди подошла к девушке и уставилась в окно с видом на передний дворик. Когда Томми придет, она его увидит.

– Мне нравятся твои бусы и браслеты. Ты сама их делаешь? Случайно услышала, как ты

об этом говорила. Мне всегда было интересно, почему ты не сделаешь такие же серьги.

– Для меня это сложно. Я собираю красивые и необычные бусины. Умею их нанизывать, но серьги пока не освоила.

– Моя мама могла бы тебя научить. Она делает серьги и продает их на рынке. Вот смотри, это ее работа!

Люси откинула волосы назад и показала сережку из бисера. Просто обалденную: длинную и разноцветную. Даже обидно, что такая красота пряталась за густыми волосами.

– Они очень красивые.

– Мама человек творчества. Я же напротив. Только и делаю, что учусь. Хочу поступить в Оксфорд. Поэтому нужны высокие оценки. А ты собираешься в университет?

– Наверное. Так далеко еще не загадывала.

– О, пора бы. Покопайся в информации об университетах. Есть хорошие, а есть и ужасные. Ты же не хочешь потерять впустую студенческий заем.

Музыка прервалась, на несколько секунд воцарилась тишина. Мэнди выглянула в окно. И увидела, как по тропинке к дому идет Томми. Она выпрямилась. Он пришел. Ее губы растянулись в улыбке. Похоже, Люси заметила изменения в Мэнди, потому что тоже выглянула в окно.

– Мне нравится Томми, – вдруг призналась она. – Он так отличается от других парней, с ним легко общаться.

Мэнди кивнула и посмотрела на красные туфли, гадая, стоило ли их надевать.

– Я так удивилась, что он сошелся с Лиэнн!

– Что?

– Томми и Лиэнн. Они встречаются. Я видела их вместе вчера после школы. У меня было дополнительное занятие по английскому, я уходила поздно и застукала, как они держатся за руки.

– Лиэнн?

Мэнди затеребила бусы.

– Удивительно, правда? Нет, я знала, что он все время тусуется с Тони и Лиэнн, но думала, ему нравится Тони. Она больше подходит... Ну, знаешь, в том, как она одевается, есть некое сумасбродство. Но Лиэнн?

Мэнди ощутила слабость. Каблуки вдруг показались выше, и она почувствовала, что нетвердо стоит на них. Глаза лихорадочно забегали в поисках, куда можно поставить банку с пивом.

– Ты в порядке? – спросила Люси.

Раздался звонок. Томми пришел, а Мэнди не могла смотреть ему в лицо. *Лиэнн?* Он встречался с *Лиэнн?*

– Я просто...

Выражение лица Люси изменилось. Она нахмурилась и слегка поджала губы.

– Ты не знала.

Мэнди отступила за дверь гостиной, и Люси последовала за ней. Музыка вновь заиграла, девушки начали танцевать, от чего создавался эффект переполненной комнаты. Прячась за дверью, Мэнди слышала голос Томми. Лиэнн была с ним? С этим она точно не могла справиться. Люси обеспокоенно смотрела на нее.

– Он тебе нравится, да? Я не знала. Думала, вы просто друзья. Мне очень жаль, что я тебе все это рассказала.

Томми не пошел в гостиную – очевидно, напрямик направился на кухню, как и большинство ребят, к столу с выпивкой.

– Можешь принести мое пальто? – попросила она.

– Не уходи. Здесь полно парней...

– Пожалуйста.

Люси на секунду задумалась, а потом пересекла комнату и отыскала ее пальто.

– Спасибо, – поблагодарила Мэнди, одеваясь. – Если кто-нибудь спросит, скажи, что мне стало плохо.

– Конечно. С тобой все будет хорошо?

Мэнди покинула гостиную, оставив музыку позади, и прошмыгнула на улицу, когда в дом входили какие-то ребята. Никто ее не заметил, никто ничего не сказал. Она словно была невидимой. Будто и вовсе не приходила на вечеринку.

Глава 9

Мэнди пошла домой пешком. Папе не стала звонить, решила добраться сама. Она почти час тащилась по улицам. Думала о вечеринке и ощущала дикий прилив смущения. Она провела там не больше получаса. Наверное, стоило остаться, встретиться с Томми и притвориться, что все нормально. А если Лиэнн пришла, она могла поболтать с ней и спросить: «Как вы с Томми сошлись?» Будто не произошло ничего особенного. Будто это было ожидаемо.

Грудь сжимало от боли, но чем дальше она уходила от вечеринки, тем больше ослабевало давление. Мэнди не могла поверить, что надеялась на какие-то отношения между ней и Томми. Он был милым, внимательным и всегда стремился проводить с ней время, но это никак не было связано с *влечением к ней*. Он просто дружил. Вот и все. Никто и не думал, что они могли стать парой. Люси без всякой задней мысли рассказывала ей о Лиэнн. Она не считала, что Мэнди подходит Томми, и ни на секунду не задумалась, что у той возникала такая мысль.

Вероятно, так же думали и все одноклассники.

И лишь она одна не знала. От этой мысли на глаза навернулись слезы. Так стыдно, что она этого не понимала. Она что, какая-то идиотка? Возможно, не будь она так погружена во все, связанное с Петрой и Тиной; если бы поменьше думала об этом, то спокойно окинула взглядом общую комнату, заметила признаки привязанности Томми к Лиэнн и приняла правду до того, как сорвалась на глазах у Люси.

Но ее голова была забита мыслями о случившемся пять лет назад. Закопавшись во все это, она не заметила то, что происходит у нее прямо под носом, не могла думать ясно, иначе поняла бы, что Томми ей не подходит. Он душа компании, интересный, веселый и полон идей. Зачем она ему? Мэнди добралась до дома, где успешно ушла от ответов на вопросы о вечеринке и о том, почему не позвонила. Папа устал и весь путь вверх до своей спальни зевал. Девушка сразу забралась в кровать и моментально заснула.

А в начале четвертого вдруг проснулась. Попыталась снова забыться сном, но час тупо проворочалась. И в итоге села в кровати. В комнате сквозило холодом. Она включила светильник и глотнула воды из стоящего рядом стакана. Затем посмотрела на шкаф. Красный топ все еще висел на дверце. Она его даже не надела. Он висел там как спущенный флаг.

Не стоило вообще ходить на вечеринку. Нужно было остаться дома и погрузиться в

мысли, одолевающие ее последнюю неделю. Она встала. Подошла к окну, приоткрыла занавеску и выглянула во двор. На улице было темно и туманно. Уличные фонари словно находились в дымке.

Мэнди задумалась о доме на Принсес-стрит. Она не проходила мимо него с утра вторника, когда бульдозеры начали свою работу. Элисон Пойнтер сказала, что его практически сровняли с землей. Мэнди попыталась представить эту картину: большой пробел между стенами прилегающих домов, которые теперь выглядят странно и незащищенно. Можно сразу увидеть то, что было задним двором. Интересно, деревья и кусты тоже убрали? Насколько она помнила, в давние времена их росло много, но, возможно, живущие там после люди от них избавились. Еще в глубине сада стояли кирпичные сараи. Их тоже сровняли с землей?

Двадцать минут пятого, а сна ни в одном глазу. Мама с папой встанут лишь через несколько часов. Было холодно, но отопление включалось только в семь. Тишина дома как будто душила ее. Она ощущала сильное возбуждение и хотела выйти на улицу, *хоть чем-то себя занять*. Позже, после обеда, она может зайти в Фейсбук и поздравить Томми с тем, что он встречается с Лиэнн. И так преодолит неловкое смущение. Спросит у него, как прошла вечеринка, кто во что был одет, кто напился и так далее. Словно не произошло ничего необычного.

От мысли о Томми и Лиэнн в горле образовался ком. Лиэнн совершенно ему не подходила. Она была шаблонным подростком, одной из многих в школе, кто выглядел одинаково, разговаривал об одном и том же и носил похожую одежду. Мэнди не могла припомнить, чтобы она сказала что-то интересное на уроке или в непринужденной обстановке. Лиэнн была симпатичной и слишком много красилась. Носила облегающую одежду, которая неизменно подчеркивала ее грудь и стройные бедра. Она не покупала наряды в комиссионных магазинах и не задумывалась о таких вещах, как вторичное использование. Когда Мэнди сталкивалась с ней в туалете, та всегда красила губы помадой и проверяла свое отражение в зеркале.

Лиэнн не подходила Томми, с тоской подумала она.

[Купить полную версию книги](#)